

Глава 1

ЛЕНИН: “ГВОЗДИ (ПРОТИВ КАВАЛЕРИИ)... ОСЫПАЯ ВОЙСКО КАМНЯМИ, ОБЛИВАЯ КИПЯТКОМ И Т. Д... ПОДЫСКАНИЕ... КВАРТИР... ДЛЯ СКЛАДОВ... КИСЛОТЫ ДЛЯ ОБЛИВАНИЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ И Т. Д., И Т. Д...”

Из четырех членов депутатской комиссии, пришедших в конце сентября 1991 года в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), не только я работал полтора месяца в свободное от основной работы в газете время с ленинскими документами, будучи, однако, уверен, что эти документы будут в ближайшие недели опубликованы архивом. Один из моих коллег из состава комиссии тоже провел немало часов, знакомясь с ленинским фондом, но публиковать “засекреченного Ленина” он не собирался ни при каких обстоятельствах, ибо служил в государственном аппарате и подобного задания не получал. Насколько я знаю, архив этот, расположенный против здания тогдашнего Моссовета, именно в тот период претерпевал ряд реорганизаций и выходил из подчинения институту. В настоящее время это Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

Не буду скрывать — по поводу возможностей первых своих публикаций “засекреченного Ленина” в начале ноября 1991 года у меня возникал ряд сомнений. Ведь десятилетиями первое обнародование работ вождей проводилось под редакцией занимавших высокие партийные посты главных идеологов КПСС. После смерти Сталина таким “монополистом” был

вначале П.П. Поспелов, затем Б.Н. Пономарев. Наследие подобной практики чувствуется и сегодня. Одна самая демократическая газета выступила по поводу моих первых публикаций со статьей “Архивное пиратство”, в которой четко указала, что публиковать архивные материалы должны лишь те, кому это “положено”. Спустя ряд лет вопрос стоял уже иначе — архивные документы, мол, являются собственностью коллектива того или иного архивного учреждения и, соответственно, распродаются по наиболее выгодной для архива цене. Я, конечно, приветствую тот факт, что публикаторами отдельных документов являются ныне рядовые архивные работники, получающие на это от начальства “лицензии”, подобные тем, которые выдаются на отстрел медведя или лося. Но архивный фонд, подобный ленинскому, является важнейшим оружием политической борьбы, и недаром публикации неизвестных ранее ленинских документов вызывают зубовный скрежет у современных коммунистических лидеров. На публикатора документа (даже без комментариев) походя навешивается ярлык “клеветника” или, того глупее — следует заявление типа “не дадим вычеркнуть Ленина из истории”.

Пример того, как унтер-офицерская вдова “Советская Россия” сама себя высекла — помещение карикатуры, на которой Д. Волкогонов с наведенным на Ленина пистолетом оттесняет стреляющую Фанни Каплан со словами: “Каплан, подвиньтесь, вы уже отстрелялись... Теперь моя очередь”. Но показательно, что на карикатуре Волкогонов окружен ворохом бумаг с надписями “Архив”, “Дело”, “Справка”, “Секретно”, и у карикатуриста все-таки хватило совести не делать надписей типа “Клевета”, “Фальсификация” или “Ложь”. И получилось, что единственное обвинение в адрес Дмитрия Антоновича — в том, что тот обнародовал секретные архивные документы.

В Центральном партийном архиве я сразу обратился к описи 2 фонда 2, которую условно, в отличие от описи 1, можно было считать “секретным” ленинским фондом. Однако в ходе работы над документами я выяснил, что многие ленинские труды, которые числились в описи 1 фонда 2, также никогда не обнародовались. Не буду подробно рассказывать о трудностях работы с ленинскими документами — не было единой картотеки, карточки с исходными данными

никогда не публиковавшихся ленинских трудов перемежались с карточками об уже обнародованных, главным образом в “Ленинских сборниках”, работах, что не было специально отмечено. При ознакомлении с ленинскими документами приходилось считаться с тем, что доступ к ним может быть в любую минуту закрыт. Это и произошло в середине ноября 1991 года.

К началу работы в архиве я уже твердо уверовал в исключительное жестокосердие вождя, хотя и не был готов давать однозначно негативную оценку его политической деятельности, экономическим и философским взглядам. И оставляю на будущее анализ теоретических проблем ленинизма.

В своей книге намеренно не буду подробно касаться детских и юношеских лет Владимира Ульянова, хотя и перечитал по этой теме гору литературы. Замечу лишь, что не согласен с утверждением, будто о Ленине до последнего времени не публиковалось ни одной честной книги. За последние десятилетия в нашей стране вышло в свет множество книг, в которых нельзя поставить под сомнение не только честность помыслов авторов, но и правдивость приводимого в них фактического материала. К таким работам я бы отнес посвященные в основном детским и юношеским годам вождя, а также его семье, многие десятки книг и статей, принадлежащих перу Ж. Трофимова.

Но поразило меня его поистине бескрайнее самомнение, выраженное на страницах брошюры “Волкогонский Ленин”. Выискивая в двухтомнике Дмитрия Антоновича многочисленные мелкие неточности, он вопрошает: “Почему не читаете меня?” Но всегда ли точен сам Ж. Трофимов? Например, он, в развязной форме возражая Волкогону, пишет об отце вождя: “В 1865 году Илья Николаевич после 10-летней службы в средних учебных заведениях Министерства народного просвещения был награжден орденом св. Анны 3-й степени и одновременно приобрел личное дворянство...”

В одни дни с появлением этой брошюры в том же Ульяновске к 125-летию со дня рождения вождя вышла в свет другая брошюра — “Жизнь В.И. Ленина: вопросы и ответы”, в которой указывается: “В 1861 году по указу Сената от 31 августа И.Н. Ульянов был произведен в чин титулярного советника, который давал право на личное дворянство”.

Пришлось обратиться к эксперту Московского дворянского собрания, который разъяснил, что Ж. Трофимов не прав, что именно чин титулярного советника, соответствовавший I X классу табеля о рангах, дал Илье Николаевичу право на личное дворянство. Но возникает вопрос — стоит ли копиться в подобных мелочах “защитникам” Ленина? Не станут ли они себя, опровергая авторов, публикующих засекреченные документы вождя и о вожде, в положение героя И. Ильфа и Е. Петрова: “Т. Индокитайский проиграл в польский банчок 7384 рубля 03 копеек казенных денег. Как Индокитайский ни вертелся, как ни доказывал в соответствующих инстанциях, что 03 коп. он израсходовал на пользу государства и что он может представить на указанную сумму оправдательные документы, ничто ему не помогло”. Давайте все-таки дискутировать не о трех копейках неточностей, а о семи тысячах трехстах восьмидесяти четырех рублях — неоспоримых документах, свидетельствующих о крайней жестокости Ленина по отношению к своим ни в чем непонимным соотечественникам.

Книгу “Рассекреченный Ленин” я никоим образом не рассматриваю как биографический очерк о вожде или его политический портрет. Скорее всего отношу ее к столь модному в начале перестройки жанру — “штрихи к портрету”. Но “штрихи” эти базируются на строго документальных источниках, в большой мере на впервые мною обнаруженных ленинских документах, к которым по сей день нет доступа для исследователей. Использован также ряд ленинских работ, впервые опубликованных Д. Волкогоновым. Будучи рецензентом его двухтомника “Ленин”, считаю необходимым выразить свою оценку этого труда. Считаю полезным и своевременным выход книги в свет, согласен с концепцией двухтомника, на 9/10 поддерживаю конкретные выводы автора. В то же время с отдельными выводами Дмитрия Антоновича согласиться не могу, на что указывал в своей рецензии. Так, вслед за Н. Бердяевым Волкогонов повторяет, что Ленин проповедовал жестокую философию, но лично не был жестоким человеком. Постараюсь аргументированно доказать, что по своей жестокости Ленин стоит не ниже Сталина или Гитлера. Мне уже не раз приходилось выражать свое несогласие с утверждением, будто Ленин до октябрьского

переворота был тунеядцем. Впервые, если не ошибаюсь, назвал Ленина тунеядцем один из современных писателей, и в своих публикациях придерживается этой оценки и Дмитрий Антонович. Но ведь, согласно словарю, тунеядец — это бездельник, живущий за счет окружающих. А Ленин был величайшим тружеником, о чем свидетельствует многообразие его трудов. А руководство нелегальной партией, а редактирование газет?

Не будем уподобляться героине классического произведения — кухарке, которая на вопрос товарок — “работает ли барин?” — отвечала — “нет, не работает, сидит в комнате и пишет”. Другое дело — у Ленина, как и у его соратников, не было стажа государственной службы. Но напомним, что и Конрад Аденауэр вознесся на политический Олимп во многом благодаря тому, что “не служил” в годы гитлеровского режима. На “крутых поворотах истории” это даже закономерно.

Хочу оговорить тот факт, что моя книга является не научным трактатом, а сборником документальных очерков, поэтому я не ссылаюсь на все используемые источники, обязательно оговариваю лишь выходные архивные данные взятых мною документов из ленинского фонда, а также опубликованные высказывания вождя. Большинство ссылок — на пятое, т.н. “полное” собрание сочинений. Первая цифра — том, вторая — страница. Имеются ссылки и на Ленинские сборники. Впервые опубликованные мной ленинские труды и документы из ленинского фонда даются курсивом.

Еще до работы в архиве я постепенно приходил к выводу, что у Ленина просто отсутствовал орган восприятия чувства жалости, сострадания. Так, в период голода в Поволжье в начале 90-х годов прошлого столетия 21-летний Владимир Ульянов был единственным представителем местной интеллигенции, который был принципиально против оказания общественной помощи умирающим от голода. Обратимся к книжке “Ленин в Самаре”, изданной в 1933 г. в Москве. Автор ее, В. Водовозов, близко знавший Владимира Ульянова, свидетельствовал: “В конце 1891 г. разговоры о борьбе с голодом привели к созданию в Самаре особого комитета для помощи голодающим... На собраниях и сходках молодежи Ленин вел систематическую и решительную пропаганду против комитета...”

Или возьмем канонизированную книгу А. Белякова "Юность вождя", на которую многократно ссылаются авторы первого тома официальной Биографической хроники жизни и деятельности Ленина. Здесь свидетельства очевидцев: молодой Ульянов "имел мужество открыто заявить, что вследствие голода — нарождение промышленного пролетариата, этого могильщика буржуазного строя, — явление прогрессивное, ибо содействует росту индустрии и двигает нас к нашей конечной цели, к социализму, через капитализм... Голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в бога, и со временем, несомненно, толкнет крестьянина на путь революции..." В книге А. Белякова рассказано также, что по отношению к комитетам помощи голодающим и их сторонникам, которые пытались противодействовать распространению такого "прогрессивного явления", как массовый голод, молодой Ульянов признавал лишь один метод общения: "рукой за горло и коленкой на грудь". Как известно, в тот период в Поволжье большую работу по оказанию помощи голодающим проводил Лев Толстой — собирал деньги, основывал столовые. И недаром "толстовство" станет впоследствии одним из самых бранных слов в лексиконе вождя.

Но особенно ненавидел Ленин такое чувство, как сентиментальность, подразумевая под ним не чрезмерную чувствительность, а проявления жалости, сострадания, милосердия. Его девиз: "Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество" (44; 166-167). Ильич справедливо считал, что эти чувства наиболее характерны для людей образованных, высокой культуры: "Рабочие и крестьяне нисколько не заражены сентиментальными иллюзиями господ интеллигентов, всей этой новожиизненской и прочей слякоти..." (35; 197). И близко знавший Ленина лидер правых эсеров Виктор Чернов свидетельствовал: "Для Ленина не могло быть ничего хуже сентиментальности".

Конечно, в наши дни на страницах прессы определенного направления наблюдается приукрашивание облика элиты монархического строя в России. А ведь факты говорят, что окружение самодержца, за редким исключением, на рубеже XIX и XX веков в неменьшей мере, чем Бурбоны почти

за век до этого, “ничего не забывало и ничёму не научилось”, не хотело ничего менять в своей стране, во всяком случае, до октября 1905 года. Неизбежно политическая атмосфера в России сгущалась, она оказывалась буквально пронизана духом насилия — и было бы неправомерным обвинять Ленина в том, что он привнес насилие в общественную жизнь страны. Но какие свирепые, безжалостные, преступные формы стремился молодой Владимир Ульянов придать нарастающим классовым противоречиям — “социальному разладу”, по определению историка В. Ключевского, в России! В 11-м томе “полного” собрания сочинений Ленина — установочные письма “В Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете” и “Задачи отрядов революционной армии”. С каким неистовством призывает из Женевы вождь большевиков накануне Декабрьского восстания 1905 года в Москве к действиям поистине бандитского характера! Вначале Ленин требует отбросить всякую “канцелярщину”, бумажную волокиту: “Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, Христа ради, на все схемы”. Далее требование — всем вооружиться: “...кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т.д.)”.

Вдумаемся в ленинскую установку: “Работы тут масса и притом такой работы, в которой громадную пользу может принести всякий, даже совершенно не способный к уличной борьбе, даже совсем слабые люди, женщины, подростки, старики и проч.”. И при этом: “Идите к молодежи, господа! вот одно единственное, всеспасающее средство!” “Идите к молодежи. Основывайте **тотчас** боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно, и т.д. и т.п.”. “Военное обучение на немедленных операциях” — пусть “одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания”. “Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избивании городских”, нападая на “случайно отбившегося казака”, “избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штабквартиры”, с верхних этажей “осыпая войско камнями, обливая кипятком”, при использовании “кислот для обливания

полицейских”. Облить кипятком новобранца, ослепить кислотой полицейского — в этих требованиях некоторые видят революционный темперамент вождя. Но для нормального цивилизованного человека — это беспредел в эскалации насилия. Правда, диалектик Ленин здесь же отмечал, что “беспорядочный, неподготовленный мелкий террор может, будучи доведен до крайности, лишь раздробить силы и расхитить их”, что “пробные нападения” “могут, конечно, выродиться в крайность, но это беда завтрашнего дня” (11; 336-343). И не найдешь у вождя сожаления по поводу того, что в пропагандируемых им жесточайших мерах “недостаток” не просто в возможном “раздроблении сил”, а в горах трупов, в массе изувеченных людей.

Закрываю глаза и представляю картину — покалечив колючей проволокой и гвоздями какое-то количество лошадей, подростки принимаются за более квалифицированную работу — берут подготовленные емкости и начинают поливать из них полицейских, нанося им увечья, ослепляя серной или соляной кислотой. При этом нельзя избежать того, чтобы не изуродовать всех находящихся поблизости людей, которые если и останутся живы, но будут ослеплены. При этом вождь называет этих подростков подлинными демократами в отличие от мнимых, от “либеральных говорунов”.

Справедливости ради следует отметить, что главным оружием уличной борьбы Ленин считал все-таки не кипяток и не кислоту, а бомбы: “Проповедники должны давать отрядам каждому краткие и простейшие рецепты бомб, элементарнейший рассказ о всем типе работ, а затем предоставлять всю деятельность им самим” (11; 338). В сентябре 1905 года в статье “От обороны к нападению” Ленин с удовлетворением отмечал: “Бомба перестала быть оружием одиночки-“бомбиста”. Она становится **необходимой принадлежностью народного вооружения.**” При этом Ильич призывал забросить российские города ручными бомбами, подобными тем, которыми японцы “великолепно пользовались против Порт-Артура. Давайте же учиться у японцев!” (11; 269-270). Справедливо народник Н. Михайловский определил методы борьбы, подобные проповедуемым Лениным, как “школу озверения”. С каждой новой неделей вождь впадал во все большее неистовство. 7 ноября 1905 г. он призывает “свалить,

добить и уничтожить тиранов крепостной, полицейской, помещичьей и царской России”. Спустя неделю Ленин уточняет, кого конкретно следует “добить и уничтожить”: “кто сторонится от борьбы, тот поддерживает хозяйничанье черносотенцев. Кто не за революцию, тот против революции. Кто не революционер, тот черносотенец” (12; 35,70). “Кто не с нами, тот против нас” — этот девиз являлся одним из главных в воспитании советских людей.

Ленинские установки по проведению антиправительственных демонстраций приобрели неожиданную актуальность на фоне событий в Москве 1 мая 1993 года. Эскалаторы станции “Октябрьская” Ордена Ленина Московского метрополитена им. В.И. Ленина с утра поднимали сотни демонстрантов к величественному памятнику Ленина. И после митинга, на котором звучали ленинские лозунги, колонна демонстрантов по Ленинскому проспекту направилась на Ленинские горы. Над демонстрантами возвышались транспаранты с ленинскими призывами, многочисленные портреты вождя. О том, какие кровавые события произошли в результате нападения вооруженных ножами, заточками, дубинками демонстрантов на милицейское охранение, широко известно. На счастье, не все советы вождя были взяты нападавшими на вооружение, не было горящих факелов, милиционеров не обливали кипятком или кислотой, не бросали в них бомб.

Много писали о том, что шедшие во главе колонны коммунистические лидеры через проходные дворы бежали с места побоища. В подобной ситуации оказался однажды и вождь мирового пролетариата, приехавший в конце 1905 года из Швейцарии в Россию. Вот свидетельство участницы событий того периода Т.И. Алексинской, опубликованное в парижском журнале “Родная земля” (№ 1, 1 апреля 1926 года): “Восприняв марксистскую доктрину с ее безличным методом, мы все-таки искали в вожде человека, в котором были бы соединены темперамент Бакунина, удаль Стеньки Разина и мятежность горьковского Буревестника. Такой живой фигуры не было перед нами; но мы хотели олицетворить ее в лице Ленина. И когда я увидела его впервые в 1906 году на одном из загородных митингов в Петербурге, я была страшно не удовлетворена. Меня удивила не его наружность... — а то, что когда раздался крик: “Казачи!” — он первый бросился бежать. Я

омотрела ему вслед. Он перепрыгнул через барьер, котелок упал у него с головы... С падением этого нелепого котелка в моем воображении упал сам Ленин. Почему? Не знаю!.. Его богство с упавшим котелком как-то не вяжется с Буревестником и Стенькой Разиным. Остальные участники митинга не последовали примеру Ленина. Оставаясь на местах, они, как было принято в подобных случаях, вступили в переговоры с кизиками. Бежал один Ленин...” Впрочем, поведение коммунистических лидеров и начала века, и нынешних вполне объяснимо. Они уберегали и уберегают сегодня себя лично, чтобы быть полезными в грядущих кровавых классовых битвах.

Хотел бы отметить, что впервые на страницах “Правды” накануне 125-летия со дня рождения вождя прочитал относительно спокойную и рассудительную критику в мой адрес бывшего первого заместителя директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС П.А.Родионова, который пишет о моей статье в “Известиях”: “Автор считает уязвимой позицию и тех, “кого не обвинишь в симпатиях к коммунистам”, причем сослался в качестве примера на высказанную писателем Владимиром Максимовым в теледиалоге с Львом Аннинским мысль о том, что не понятно, “зачем демократам столь рьяно низвергать сегодня с пьедестала великих деятелей коммунистического прошлого”. “Ведь во Франции, — продолжал свою мысль писатель, — никто не покушается на Робеспьера

лишь историки спокойно продолжают изучение Великой Французской революции”. Родионов продолжает: “Казалось бы, резонно. Но наш историк, возражая писателю, приводит такой аргумент, который настолько неубедителен, что о нем не стоит здесь и говорить”. Но так ли уж был неубедителен мой аргумент, опубликованный в горячие майские дни 1993 года: “... Вынужден возразить: а что бы делали сегодня во Франции сторонники гражданского общества и правового государства, если бы центральные площади столицы регулярно исполнялись многотысячными толпами разъяренных парижан с портретами Марата и Робеспьера? А ораторы призывали бы незамедлительно свергнуть существующую законную власть и вернуться к якобинскому произволу?”

Нет, давайте, уважаемый оппонент, в наших дискуссиях ставить все точки над i. Возражаете против какого-то аргумента — приведите его, а затем опровергайте.